

На правах рукописи

Орлова Олеся Геннадьевна

ДИСКУРСИВНАЯ ТЕОРИЯ СТЕРЕОТИПА

10.02.19 – Теория языка

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Кемерово – 2013

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и славянских языков в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор, член-корр. САН ВШ Пименова Марина Владимировна, зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Шамне Николай Леонидович, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»;

Манаенко Геннадий Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»;

Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

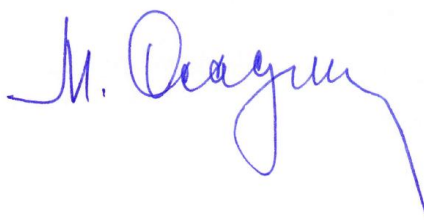
Ведущая организация – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского».

Защита состоится 13 декабря 2013 года с 10.00 на заседании диссертационного совета Д212.088.01 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Кемеровского государственного университета.

Автореферат разослан 17 сентября 2013 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета



М. А. Осадчий

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное диссертационное исследование посвящено разработке дискурсивной теории стереотипа на примере стереотипов о России и русских в американском публицистическом дискурсе XIX-XXI вв.

При помощи стереотипа когнитивная деятельность глобального читателя / слушателя может быть отрегулирована в необходимом для производителя дискурса аспекте. Экспликация стереотипа, т.е. понимание его истоков, диапазона его значений, возможных употреблений и идеологической нагруженности, языковой реализации и потенциальных стратегий переакцентуации или модификации, нивелирует его убедительность и привлекательность. Поскольку стереотип так или иначе реализует свои функции в тексте и в результате многократного повторения потенциал стереотипа возрастает, возникает необходимость изучения стереотипа в *дискурсе*, под которым мы понимаем социально детерминированный тип общения, формой выражения и фиксации которого являются тексты. Таким образом, обращение к дискурсу как материалу исследования (американский публицистический дискурс о России XIX-XXI вв.) и поиск в дискурсе позиции стереотипа (по отношению к категориям дискурса) привели к формированию идеи стереотипа как дискурсного феномена.

Актуальность исследования определяется комплексом факторов. Исследование стереотипов о собственной культуре в представлении других национальностей *вносит важный вклад в процессы идентификации и самоидентификации русских*. Для нас особенно важным является описание специфики образа России в массовом сознании представителей развитых стран, в частности, США, поскольку именно это государство доминирует над мировым информационным пространством, и на его оценки ориентируется глобализующийся мир. Понимание специфики этого образа *может способствовать выработке позитивных моделей взаимодействия России с мировым обществом*.

Актуальность работы не в меньшей степени определяется выбранным объектом исследования: стереотип как языковое и ментальное явление привлекает внимание ученых, принадлежащих к разным областям гуманитарного знания. Для разработки идеи стереотипа как дискурсного феномена *привлекаются достижения таких современных направлений языкознания, как когнитивная лингвистика, лингвоконцептология и дискурсивные исследования.*

Объектом исследования является стереотип как вербально зафиксированное, устойчивое и культурно детерминированное представление о различных сферах жизни в России, распространяемое американскими печатными СМИ. **Предмет** исследования – во-первых, виды стереотипов, функционирующие в американском публицистическом дискурсе о России; во-вторых, закономерности, обуславливающие появление стереотипов в дискурсах определённого времени и типа; в-третьих, языковые способы и средства репрезентации стереотипа в дискурсе американских печатных СМИ.

Цель работы – описать стереотип как дискурсивный феномен на примере стереотипов о России и русских в американском публицистическом дискурсе XIX-XXI веков.

Задачи исследования:

1) проанализировать американский массмедийный публицистический дискурс о России XIX-XXI вв., ориентируясь на его категории и статус стереотипа в нём;

2) определить статус стереотипа по отношению к дискурсу, фрейму и концепту;

3) описать стереотипы о России и русских в американском массмедийном публицистическом дискурсе XIX-XXI вв. в динамике и систематизировать их по видам стереотипов, определяемым по типам поддискурсов, в которых они функционируют;

4) описать языковые средства и способы актуализации стереотипа.

Теоретическую базу исследования составили работы, в которых исследуются политико-психологические вопросы национальной идентичности россиян (Бочаров 2008, Евгеньева 2008, Крымчанинова 2008, Крашенинникова 2007); работы по лингвокультурологии, изучающие этнокультурные стереотипы, мифы и проблемы, связанные с их репрезентацией в языке (Бобринская 2003, Елистратов 1994, Жданова 2006, Сорокин 1995, Сергеева 2005, Соколов 2007, Уфимцева 1996); лингвистические и этнолингвистические исследования стереотипа (Leyens, Yzerbyt, Schardon 1994, Quasthoff 1978, Vinacke 1957, Welsh 1983, Алимуткина 2010, Бобринская 2003, Голикова 2005, Городилова 2011, Донец 2001, Каменева 2008, Маслова 2008, Некрасова 2009, Ноженко 2008, Пименова 1999, 2013, Прохоров 2008, Рыжков 1983, Садуов 2010, Тер-Минасова 2000, Толстая 1995, 2009). В работе привлекались теоретические положения лингвокультурной концептологии (Воркачев 2003, Карасик 2001, Пименова 1998, 2011, Слышкин 2004 и пр.). В Кемеровской школе концептуальных исследований изучение лингвокультурных концептов, равно как и стереотипов, является приоритетным направлением исследований (Гришина 2004, Куданкина 2005, Орлова 2005, Орлова 2013, Пименова, Камкина 1999, Пименова 1998, Пименова 2013, Точилина 2013). В качестве основы для разработки подхода к дискурс-анализу использовались теоретические положения представителей французской школы дискурс-анализа (Куртин 1999, Серио 2001, Пешё, Фукс 1999, Робен 1999, Гийому, Мальдидье 1999, Отье-Ревю 1999, Арош, Анри, Пешё 1999, Пульчинелли Орланди 1999); современных зарубежных (Вах 2011, Dijk 1983, Fairclough 1995, Wodak 1996) и отечественных дискурсивных исследований (Арутюнова 1998, Будаев, Чудинов 2006, Демьянков 2003, Добросклонская 2006, Карасик 2002, Клушина 2008, Кубрякова 2005, Манаенко 2011, Менджерицкая 2006, Олянич 2004, Рябова 2008, Силантьев 2004, Чернявская 2006, Шейгал 2004 и пр.).

Методы исследования. Методологическую базу работы составляют общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и синтеза, классификации; частные методы лексического, семантического, контекстного, лингво-

стилистического анализа; дискурс-анализа, концептуального и фреймового моделирования. Методика дискурс-анализа заключается во взаимосвязанном описании дискурсоформирующих категорий: хронотопа, концептов дискурса, агентов и клиентов, риторических и стилистических приёмов, жанров дискурса. Концептуальное моделирование – это реконструкция структуры ментального объекта; фреймовое моделирование – описание такой структуры в виде фреймов. На всех этапах научного исследования использовался прием интроспекции, т.е. обращение к языковой интуиции исследователя.

Материалом исследования послужили тексты американского печатного СМИ «The New York Times», опубликованные в нём с 1851 года по 2013 год. Тексты отбирались на сайте www.nytimes.com методом сплошной выборки, т.е. изучались все публикации, выданные системой как наиболее релевантные по запросу ‘Russia’ (329 000 результатов). Помимо этого, использовались сервисы The Corpus of Contemporary American English (<http://corpus.byu.edu>) и Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru); привлекались тексты художественных произведений, служащие иллюстрациями, которые верифицируют статус стереотипа в лингвокультурах и отображают специфику стереотипов в разных языках при их сопоставлении, и данные разнообразных словарей.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Впервые стереотип представлен в виде дискурсивного феномена; стереотип предложено считать разновидностью «преконструкта» дискурса (Пешё, Анри), т.е. стабильным конструктом, соотносимым с категориями дискурса. Такой подход отличается от существующих подходов к дискурс-анализу и стереотипу тем, что дает возможность, при условии описания дискурса в динамике, вычленять устойчивые представления об объектах действительности и объяснять их в логике развития дискурса.

2. Американский публицистический дискурс о России и стереотипы России, функционирующие в нем, впервые рассмотрены в динамике.

3. К исследованию привлекался ранее не исследованный материал: изучались публицистические тексты газеты «The New York Times» XIX в., а также современная американская авторская публицистика.

4. Впервые определена зависимость вида стереотипа от типа поддискурса, в котором он функционирует, состоящая в том, что в тематически однородном дискурсе обнаруживаются стереотипы, являющиеся типичными структурными элементами фреймов, организующих этот дискурс.

5. Разработано новое понимание стереотипа, в соответствии с которым это не обобщенный образ, схема, а отдельные элементы образа, по природе ассоциативные, оценочные, культурно и идеологически обусловленные. Такое понимание позволяет при анализе каждого из стереотипов как отдельного элемента образа выявлять его культурную и историческую обусловленность.

6. Разработана методика обнаружения стереотипа в тексте. Эта методика основывается на четком определении языковых средств и способов репрезентации стереотипа в тексте; это позволяет идентифицировать стереотип и, соответственно, избегать нежелательного идеологического воздействия и конфликтов в межкультурной коммуникативной среде.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дискурс – это социально детерминированный тип общения, формой выражения которого являются тексты. Дискурс стереотипичен с точки зрения не только коммуникативных, но и содержательных стереотипов. Они обеспечивают его воспроизводимость, узнаваемость, создают идеологический каркас. Стереотип обладает статусом «преконструкта» дискурса, а по отношению к публицистическому дискурсу – является «хранителем идеологий».

2. Стереотип – это отдельный, зафиксированный в устойчивых средствах языка признак концепта, воспроизводимый в дискурсе и отмеченный национально-культурной спецификой. Этот признак встраивается в структуру концепта как терминал фрейма: это не нейтрально-облигаторные понятийные признаки, формирующие ядро концепта, а субъективно-национально-культурные и идеологически обусловленные признаки.

3. Стереотипы образуют систему в культуре и социуме, которые они описывают, а также в дискурсе, определяющем идеологические и ценностные признаки концепта, и в самом концепте, содержащем различные фреймы в своей структуре. Так, в геополитическом поддискурсе публицистического дискурса присутствуют геополитические стереотипы, которые объединяются в структуру посредством фреймов концепта 'Russia'. В политическом поддискурсе публицистического дискурса отмечены политические стереотипы. В социально-гуманитарном поддискурсе присутствуют социумные стереотипы и этнокультурные стереотипы-символы. В бытовом поддискурсе публицистического дискурса функционируют бытовые стереотипы – предметные символы.

4. В дискурсе стереотип актуализируется при помощи лексем-репрезентантов концептов-идеологем и лингвокультурных концептов; словосочетаний – репрезентантов символов России. Стереотип маркирован лексическими единицами с семантикой повтора, постоянства, абсолютности признака; при помощи синтаксической структуры простого нераспространенного предложения 'SUBJECT – PREDICATE', сложноподчиненного предложения или простого распространенного предложения, имеющего в качестве семантического компонента пресуппозицию. Учёт данных средств вербальной актуализации стереотипа лежит в основе методики его вычленения в текстах.

Теоретическая значимость полученных результатов исследования состоит в том, что определен статус стереотипа в дискурсе и выработано определение стереотипа; определено место стереотипа в структуре концепта и фрейма; систематизированы некоторые стереотипы о России и русских в американском публицистическом дискурсе; описаны и систематизированы языковые средства репрезентации стереотипа.

Практическая значимость работы определяется тем, что сформирована эмпирическая база, материалы для создания словаря стереотипов о России и русских; сформулированный алгоритм анализа языкового воплощения стереотипа может быть применен на различных корпусах языка в синхронном и

диахронном аспектах; работа может быть использована в практической деятельности имиджмейкеров, журналистов, политологов и социологов; кроме того, результаты исследования могут найти применение при разработке различных спецкурсов по дискурс-анализу и лингвоконцептологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на международных конференциях: 4th International Conference «Language, Culture, and Society in Russian/ English Studies» (22-23 July, 2013, London, UK); Inaugural European Conference on Language Learning (18-21 July, 2013, Brighton, UK); I Международной научной интернет-конференции «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике» (12-21 февраля 2013 г.); Asian Conference on Language Learning (26-28 April, 2012, Osaka, Japan); Международной научной конференции «Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве» (26-28 апреля 2012 г., г. Псков); VI Международной научной конференции «Язык, культура, общество» (22-25 сентября 2011 г., г. Москва); I Международной научной конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (г. Барнаул, 2011 г.); IV Международной научной конференции «Концепт и культура» (г. Кемерово, 2010 г.); XXI Международной научная конференция «Язык и культура» (г. Томск, 2010 г.); I Международной Летней научно-практической конференции «Язык и культура: XXI век» (г. Омск, 2010 г.); Международной научной конференции «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры» (13-17 сентября 2010 г., г. Екатеринбург); IX ежегодной международной конференции «Языки в современном мире» (23-25 мая 2010 г., г. Томск); V Международной научной конференции «Язык, культура, общество» (27 сентября 2009 г., г. Москва); II Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия и славянский мир: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (г. Кемерово, 2009 г.) и др.

Результаты исследования также применяются в ходе преподавания специальных дисциплин направлений «Журналистика» («Художественная пуб-

лицистика»; «Проблемы концептуализации в дискурсе массмедиа») и «Политология» («Политическая журналистика»).

Тема диссертации поддержана грантом РФФИ 11-06-09229 для участия в V Международной Летней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: русский мир и восточнославянская ментальность» с докладом «Русские лингвокультурные концепты-стереотипы: самовар» (0,03 млн. руб.).

Публикации. Основные результаты исследования опубликованы в десяти статьях в журналах, входящих в список ВАК; одной авторской монографии «Стереотипы о России и русских» (Кемерово, 2011) и разделе коллективной монографии «Стереотипы лингвокультуры» (Киев, 2013), а также тридцати статьях в сборниках научных статей и материалов научных конференций разного уровня.

Структура и объем диссертации. Диссертация изложена на 388 страницах печатного текста и состоит из пяти глав, введения, заключения, списка использованной литературы, списка источников и словарей. В Главе 1 «Теория дискурса и дискурс-анализ как метод» описываются основные подходы к определению дискурса в зарубежной и отечественной лингвистике; дается представление о дискурс-анализе и его категориях; вырабатывается подход к дискурс-анализу и месту стереотипа в нем. В Главе 2 «Стереотип как единица исследования» определяются основные принципы теории стереотипа в современной науке; описываются его свойства, виды, причины возникновения, функции; дается рабочее определение стереотипа. Глава 3 «Американский публицистический дискурс о России» посвящена описанию категорий дискурса о России за период с XIX в. по XXI в.; выявлению особенностей авторской публицистики о России и месту стереотипа в ней; описанию динамики стереотипа в дискурсе. В Главе 4 «Стереотипы о России в дискурсе американских печатных СМИ» систематизируются и описываются геополитические, политические, социумные, бытовые и этнокультурные стереотипы. В Главе 5 «Языковые способы и средства актуализации стереотипа» описыва-

ются содержательный аспект актуализации стереотипа, языковые лексические и синтаксические средства и способы его актуализации. Список литературы, использованных текстов и словарей включает 348 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. Теория дискурса и дискурс-анализ как метод. История термина ‘дискурс’ и дискурс-анализа как метода изучения совокупности текстов, возникших / возникающих в типологически однородном пространстве, начинается с Женевской лингвистической школы, которой были заложены основные направления современных дискурсивных исследований. Французская школа дискурс-анализа разработала и обосновала наличие *имплицитного* в дискурсе, его *идеологической* составляющей. Это обусловило интерес современных зарубежных исследователей к дискурсу как способу удержания власти. Критический дискурс-анализ направлен на «разоблачение» истинного содержания дискурса, анализ медиадискурса ведётся с точки зрения формирования им ценностей и идеологий, предпочитаемых властью.

Современные отечественные лингвисты в своих разработках ставят во главу угла отдельные аспекты дискурса: аспект *условий* производства дискурса превалирует в исследованиях дискурса как общения в типологически однородном пространстве; аспект *голосов* дискурса (агентов и клиентов) доминирует в социолингвистическом подходе к дискурсу; аспект *идеологии* определяет содержание исследований, в которых дискурс понимается как совокупность тематически соотнесённых текстов.

В результате синтеза теории дискурса французских учёных и современных отечественных дискурсологов мы предлагаем в качестве рабочего следующее понимание дискурса. Под дискурсом будем понимать социально детерминированный тип общения, формой выражения которого являются тексты. В процессе дискурс-анализа изучению подлежат тексты. Учитывая то, что всякий текст является представителем своего дискурса, дискурсом можно именовать и весь текст, и его часть, представленную предложением или ря-

дом предложений. Такие фрагменты текстов можно именовать мини-дискурсами, причем такая синонимическая замена обусловлена необходимостью подчеркнуть исследовательскую задачу – выявить и описать именно дискурсивную природу изучаемых явлений. Жанр по отношению к тексту в таком случае следует понимать как схему, когнитивную модель реализации замысла; по отношению к дискурсу – как способ осуществления общения в рамках заданной социальной практики.

Дискурс принципиально диалогичен, интертекстуален и интердискурсивен, и это свойство задаётся в дискурсе при помощи парафразы (в различных лингвистических проявлениях) и преконструкта; дискурс возникает вокруг некоторого ценностного ядра, идеологии, и агенты дискурса являются его носителями; конкретные исторические условия (условия производства, контекст) – это непосредственное внетекстуальное окружение, но и одновременно конструируемая дискурсом реальность.

Помимо этого, мы соотносим исходные положения французских учёных с категориями дискурс-анализа, выработанными современными лингвистами, и получаем некоторые подходы к дискурс-анализу, которые положены в основу анализа американского публицистического дискурса о России XIX–XXI вв. Условия порождения дискурса соотносим с категорией хронотопа (экстратекстуальными, контекстуальными элементами дискурса); диалог автора (который теряет свою авторскую суверенность) и «другого» (уже сказанного в дискурсе) соотносим с категориями агента и клиента дискурса; идеологическую составляющую дискурса соотносим с категорией топиков и концептов дискурса. Новой идеей является сопоставление «преконструктов» дискурса с категорией стереотипа. В нашем понимании, дискурс в качестве опоры для своего развития и существования выбирает некоторые неизменяемые (или слабо изменяемые) элементы, которые формируют каркас, схему, структуру знаний, заключённых в архиве дискурса. В качестве примера можно привести дискурсивные формулы, которые также являются речевыми, коммуникативными стереотипами. Медицинский дискурс опирается на дис-

курсивные формулы «*Следующий*», «*На что жалуется?*»; педагогический – на формулы «*Здравствуйте, дети, садитесь*» и т.д. Всякий род дискурса стереотипичен, и не только с точки зрения коммуникативных стереотипов, но и с точки зрения содержательных стереотипов, стереотипов как лингвоментальных феноменов. Они обеспечивают его воспроизводимость, узнаваемость, создают идеологический каркас.

Придание такого статуса стереотипу возможно благодаря его встроенности во фреймы дискурса. Дискурс осуществляется в социально-обусловленном, типологически однородном пространстве, и темы в нем развиваются типичные, ожидаемые и согласующиеся с заданными фреймами. Фреймы организуют информацию о концептах дискурса в определенные структуры; ожидаемыми и прогнозируемыми элементами фреймов являются такие его терминалы (слоты), которые мы называем стереотипами. В них заключается некоторое «окончательное» (или же «априорное») знание о фрагменте действительности, стоящей за именем концепта. Оно отличается национально-культурной обусловленностью и оценочностью. Именно поэтому изучение стереотипа возможно в дискурсе.

Глава 2. «Стереотип как единица исследования». В Главе описывается история появления в гуманитарных науках и лингвистике термина *стереотип*. Стереотип можно определить через описание его свойств и функций. Стереотип обладает такими характеристиками, как *эмоциональность и оценочность, амбивалентность, устойчивость, реальность, согласованность и неточность, упрощенность и схематичность, ассоциативность, неосознаваемость, деятельностьная ориентированность*. Стереотипу свойственно выполнение следующих функций: *схематизации и упрощения, формирования и хранения групповой идеологии, экономии мыслительных и речевых усилий, категоризации, генерализации, аффективной функции, социальной, дифференцирующей, интегрирующей, редуцирующей, адаптирующей и селективной функций*.

В связи с функционированием стереотипов в разных видах человеческой деятельности выделяются и разные виды стереотипов. Их классификация не является полной и исчерпывающей, но, тем не менее, может способствовать разработке такой типологии стереотипов. Так, выделяют стереотипы: поведенческие и коммуникативные (общения); стереотипы-представления: стереотипы-ситуации и стереотипы-образы; личностные и вещественные, событийные; прагматические и когнитивные; гетеростереотипы и автостереотипы; интенциональные и спонтанные; позитивные и негативные; интенсивные и медиальные; этнокультурные, культурные и этнические; социальные стереотипы, гендерные, идеологические, политические (о политических субъектах, объектах, институтах и процессах); прямые и переносные.

В работах, направленных на изучение стереотипа русского человека, стереотип, как правило, понимается как схематичный, обобщенный, традиционный и ассоциативный, но *единый* образ русского человека. Мы же, предлагая рассматривать стереотип в качестве дискурсивной категории, определяем его как *единичный* признак России и русского человека, отмеченный аксиоматичностью употребления, национально-культурной спецификой и оценочностью. Дискурсивной категорией стереотип может являться именно потому, что включен в структуру фрейма дискурса, является его терминалом, а фреймы, в свою очередь, группируют и организуют типичную и ожидаемую в дискурсах информацию об объектах действительности.

Таким образом, стереотип – это не ядро концепта, а терминалы фреймов. Мы предлагаем следующее рабочее определение: *стереотип – это отдельный, зафиксированный в более или менее устойчивых формах языка признак концепта, типично воспроизводимый в дискурсе и отмеченный национально-культурной спецификой. Этот признак встраивается в структуру концепта как терминал фрейма. Это не нейтрально-облигаторные понятийные признаки, формирующие ядро концепта, а субъективно-национально-культурные и идеологически обусловленные признаки.*

Глава 3. Американский публицистический дискурс о России. В этой главе осуществляется дискурс-анализ американского публицистического дискурса о России XIX – XXI вв. Анализ осуществляется с ориентацией на стереотип как дискурсную категорию: нам важно не только описать категории дискурса в разные его периоды, но и выявить его стереотипное содержание как устойчивое по отношению к категориям дискурса.

К изучению американского публицистического дискурса о России XIX–XXI вв. мы применяем подход к дискурс-анализу, который заключается в последовательном описании таких дискурсоформирующих категорий, как хромотоп дискурса и его жанры, агенты и клиенты дискурса, основной топик и лексические единицы, репрезентирующие концепты-идеологемы, риторические приёмы.

В американской журналистике XIX в. дискурс о России был представлен в некоторых моделях, определяемых либо по признаку хромотопа, вынесенному в сильную позицию текста (например, в заголовок), либо по совокупности жанровых характеристик.

Заголовок, актуализирующий главный топик ‘Russia’, подразумевает «жёсткие новости». Указание в заголовке на время прибытия сообщений из Европы, названия корабля, доставившего известия («*Further by the America. Arrival of the Foreign Mails. The mails of the steamer America were received in this City at midnight yesterday. Our files of English papers contain some interesting items*» (NYT 1853, July 23)), готовит читателя к восприятию более подробной информации о событиях за рубежом, в том числе и в России. Это, как правило, большие материалы, имеющие внутреннее членение на фрагменты, каждый из которых посвящён событиям в разных странах. Малоинформативный заголовок «подсказывает» тональность дискурса: в публикациях с такими заголовками присутствует идеологическая тональность.

В американском публицистическом дискурсе о России XIX в. нами обнаружены такие жанры: hard news, feature story, human interest story, creative non-fiction, travel writing, лекция, обзор прессы, открытое письмо. На уровне

жанра частотно взаимодействие различных жанровых характеристик, что создает разнообразные дискурсивные модели (статья-лекция, «жёсткая новость» с элементами оценки).

Интердискурсивность проявляется в форме цитации других газет, диалога с текстами других газет, в форме диалога с предыдущими текстами изучаемой газеты. «*Russia. From the Washington Union, May 10. Mr. H. David Winter Davis <...> affects to regard the United States and Russia as the respective champions of the principle of liberty and the principle of despotism, and to foresee in the distant future a mighty and decisive conflict between these puissant combatants in the great drama of human history*» (NYT 1853, May 21). «*Washington. Who wrote the Russian article in the Union newspaper of Thursday last? Today the discuss is renewed, with equal vigor, and as marked interest*» (NYT 1853, May 26). Возможность диалога предопределяется единым топикум и единым идеологическим полем, в рамках которых существует дискурс.

В современной американской журналистике о России мы обнаруживаем, что указание на автора, время и место события дискурса становится дискурсивной формулой, «рутинным» правилом дискурса. В медиа XXI в. нет необходимости актуализировать временной промежуток, разделяющий 'время' дискурсивного события и 'время' события дискурса: его практически нет или оно незначительно.

В репертуаре жанровых дискурсивных моделей произошло сокращение: мы не находим лекций и открытых писем. Тем не менее, наблюдаются виды текстов, наследующие этим жанровым моделям. Это публикации, подготовленные привлеченными лицами (экспертами, непосредственными участниками событий и пр.).

Интертекстуальное взаимодействие в американском публицистическом дискурсе современного периода происходит в форме цитат мнений первых лиц государств, экспертов и иных клиентов дискурса. Помимо этого, интертекстуальное взаимодействие обеспечивается «преконструктами» дискурса и прецедентными феноменами. Возможность интертекста предопределяется

единым ядерным топилом – ‘Russia’. Вокруг этого суперконцепта группируются традиционные мнения и оценки – стереотипы, которые с течением времени не меняются. Изменениям подвержено слотовое наполнение концепта; так, «авторитаризм» России – традиционная оценка, которая встречается в публицистике и XIX в., и XX-XXI вв. Однако в XIX в. этот стереотип был связан с самодержавием, в XX веке – с коммунизмом, а в XXI в. признаки авторитаризма находят в президентском правлении. *«Two big, nonviolent demonstrations against election fraud and for democracy have suddenly challenged the authoritarian rule of the career K.G.B. man Vladimir V. Putin»* (NYT 2012, January 13).

При изучении публицистики конкретного автора последовательный анализ выше перечисленных категорий дискурса дает возможность описать и особенности дискурса, и публицистический стиль автора. Публицистика У. Дюранти (1884-1957) – просоветская; автор использует стратегии выдвижения в сильную позицию текста ценностно-важной информации, приёмы повтора, аллитерации. Г. Солсбери (1908-1993) – ироничный публицист, в «советской» публицистике которого центральной идеологемой была антитеза «духовная свобода / несвобода». В качестве одной из характеристик стиля, свойственных дискурсу Э. Бэрри, выделяется композиционное построение текста и высказывания. С точки зрения композиции текста мы обнаруживаем такое его построение, которое актуализирует противоречие между желаемым и реальным, между видимым и происходящим в реальности. С точки зрения синтаксиса (построения отдельного высказывания) сложноподчинённое предложение времени, уступки и сложносочинённое с противительным союзом служат реализации этой же стратегии – противопоставления. *«As a legal dragnet began to close around figures in Russia's political opposition, President Vladimir V. Putin on Thursday returned to the Kremlin stagecraft that has served him for more than a decade, engaging in a live televised question-and-answer session that lasted for a record-breaking 4 hours 47 minutes»* (NYT 2013, April 25).

Негативная оценка современной российской действительности в публицистике Э. Бэрри выражается косвенно, через антитезу.

Автор в СМИ является носителем не только коллективных представлений, идеологий, но и индивидуальных оценок и мнений. Он свободен в способах интерпретации стереотипа и может менять знак оценивания с отрицательного на положительный, выбирать жанры и стратегии, привлекать к своим дискурсам разных клиентов.

Динамика дискурса обнаруживается при анализе категории условий производства дискурса и включенных в него клиентов (имен собственных, наименований партий, организаций), а также в наличии в дискурсе определенных идеологем. Имена политических деятелей и иных клиентов дискурса указывают на конкретную временную отнесенность дискурса (*the Romanoff, Mr. Brulov, adistinguished Russian painter, Louis Napoleon, Emperor Nicolas, Mr. Kossuth; Tamerlan and Dzhokhar Tsarnaev, Sergei L. Magnitsky, Dmitri A. Medvedev, Aleksei A. Navalny, former Finance Minister Aleksei L. Kudrin*). Такие идеологемы, как 'коммунизм', 'большевики', 'лагерь', 'антитеррористический' и пр., также возможны лишь в дискурсе определённых периодов. Если они встречаются в более поздних публикациях по сравнению с периодом их «жизни», то, скорее всего, с иным идеологическим подтекстом.

Динамика стереотипа в дискурсе обнаруживается, во-первых, во временной привязке стереотипа к условиям производства дискурса. Так, стереотипы «красный», «коммунизм» возникают в конкретных исторических условиях существования дискурса, обусловивших их содержание. Конкретные исторические условия производства дискурса влияют также и на частоту актуализации в текстах отдельных стереотипов. Так, в 1980-х гг. актуализируется стереотип «медведь», в 1920-х и 1990-х гг. – стереотип «водка». Изменениям также может подвергаться общая модальность: стереотип, относительно которого происходит оценивание российских реалий, остаётся прежним, но оценка меняется с отрицательной на положительную и наоборот. В данном случае стереотип ведёт себя как готовая, априорно заданная схема

оценки, наложение которой на конкретные условия при определённом идеологическом или событийном сдвиге даёт положительный или отрицательный результат.

Помимо этого, исторический контекст (например, период «холодной войны») способствует группировке и актуализации в дискурсе вокруг опорного концепта-идеологемы всех связанных с ним стереотипов-представлений. Так, в период «холодной войны» становятся актуальными стереотипы интервента, «Россия агрессивна» и пр.

Во-вторых, набор средств и способов репрезентации стереотипов в дискурсе также демонстрирует определённую динамику и зависимость от исторической обусловленности дискурса. 'Царь' в XIX в. репрезентирован при помощи лексем *Czar, Emperor*; в XX в. признаками царя наделялись последовательно коммунисты и президент.

В-третьих, динамизм стереотипа в дискурсе в аспекте языковых средств его выражения может быть обнаружен в следующем. В самом начале возникновения стереотипа, при зарождении нового дискурса стереотип ещё не является таковым, т.е. за неким определённым знанием ещё не закрепились конкретная языковая форма, и оно зачастую выражено описательно, метафорически (*to block the expansion of communism throughout the world*). И только с течением времени, по завершении многих дискурсивных событий дискурсивная формация приобретает границы, а концепты-идеологемы (*cold war*) получают чёткое языковое оформление.

Это свойственно стереотипам, имеющим происхождение от абстрактных понятий. Бытовые стереотипы, образованные в процессе наблюдения за рутинным и повседневным, имеющие предметное происхождение, как правило, репрезентированы одними и теми же языковыми средствами (*samovar, banya*).

Помимо вышесказанного, нужно отметить «сеточность» стереотипных представлений о России, которая создаётся либо за счёт одного типа поддис-

курса, в котором существуют тексты, либо за счёт исторического события, группирующего вокруг себя определённые стереотипы.

Глава 4. Стереотипы о России в дискурсе американских печатных СМИ. В данной Главе изучены стереотипы о России и русских в американском публицистическом дискурсе. Стереотипы, являющиеся основой бессознательной идентификации человека по отношению к культуре (своей или чужой), фиксируют мифологизм языкового сознания, обладают оценочностью, привлекательностью и убедительностью. Они в более или менее устойчивой языковой форме вербализуют наиболее «старые» признаки концепта. Стереотипы аксиоматичны и иногда не содержат указания на мотивированность какими-то реальными признаками объектов. Стереотипы маркированы невариативностью использования языковых средств в определенных ситуациях общения.

Культуры отличаются не столько отсутствием или наличием стереотипов, сколько их системой. Стереотипы содержатся в культуре в виде системы – упорядоченной совокупности концептов, отражающей их национально-культурные особенности. В англо-американской лингвокультуре система стереотипов о России соотнесена с системой ценностей, характеризующих американскую ментальность.

Содержание дискурсов, их тематический репертуар определяет их стереотипность. Это означает, что в дискурсе о России и его поддискурсах ожидаемыми и типичными оказываются определенные темы, реализуемые во фреймах, содержащих «типичную», стереотипную информацию. Фреймы имеют структуру, состоящую из элементов – терминалов (доменов или субфреймов, кластеров и слотов и т.п.). Стереотип, понимаемый нами как терминал фрейма, типично воспроизводимый в дискурсе и отмеченный национально-культурной и идеологической спецификой, является, таким образом, одной из дискурсно зависимых категорий.

Стереотипы, как уже было отмечено, образуют систему относительно культуры, относительно дискурса, определяющего идеологические и ценно-

стные признаки концепта, и самого концепта, содержащего различные фреймы. Так, в американском публицистическом дискурсе был выделен геополитический субдискурс. Его основные темы – интересы государств, баланс сил, военные приоритеты, экономические и природные ресурсы, географическое положение стран, информационные потоки, национальные идеи, а также образы государств, система самоопределения общества, характер цивилизации, наличие и особенности международных конфликтов. Среди геополитических стереотипов отмечены следующие: «Россия – особая страна»; «Россия – огромная, великая страна»; «Россия – источник “холодной войны”»; «Россия агрессивна». *«Her aggressional power toward us is obviously nil – her defensive power against the annihilating influence of the principle which we can employ is likewise nothing – and her impotence arises directly from the nature of her social and economic condition. Russia consists of a vast body of serfs and a small body of territorial proprietors or magnates...»* (NYT March 7, 1854). Эти стереотипы могут быть объединены в структуру посредством фреймов «Россия – государство» и «Россия – страна / территория»; они являются «окончательными», обобщенными и схематичными представлениями о географии страны, особенностях её взаимоотношений с другими странами.

Среди политических стереотипов выделяются следующие: «русские – несчастные и страдающие люди»; «русские политически неграмотны»; «российская политика неразумна»; «в России нет демократии»; «в России нет свободы»; «в России разруха»; «Россия – авторитарная страна»; «русские любят сильного правителя»; «в России ничего не меняется». *«If not – well, we will live the way we live now»*; *«No one expects political change»*; *«Because nothing happened»*; *«As if nothing in Russia will change»* (NYT 2013, January 5). Эти стереотипы создают слоты таких субфреймов, как «государственная власть», «характеристики государства». Они реализуются разными языковыми средствами и вместе составляют целую «сетку» устойчивых представлений о России. Взаимосвязь в дискурсе, недискретность дискурса демонстрируют практически все стереотипы.

Наибольшей частотой связей с другими стереотипными представлениями обладает представление о России как о силе, мощной и великой стране (*power / giant*). В американском дискурсе XIX в. этот стереотип обозначался с помощью слов *power, gigantic* и *Empire*, что отражает особенности исторического периода; в дискурсе XX-XXI вв. появляются слова *Soviet Empire, Evil Empire* и *lost power* – тоже по понятным причинам исторического порядка.

Социумные стереотипы входят в структуру фрейма «государство» и субфрейма «социум». Это стереотипы о «бедности», «отсталости», «преступности», «коррупционности общества», «национализме». «*That, he argues, is because the oligarchs have been putting their wealth and power on show while many Russians slip deeper into poverty*» (NW 2003, Nov. 10). Эти мнения о России взаимосвязаны с представлениями о русском характере: с умением русского человека обходиться малым, с противоречивостью его характера, в котором уживаются любовь к Родине и шовинизм, узость мышления; они также отражают взаимосвязь таких стереотипов, как отсталость и нецивилизованность России.

Среди этнокультурных стереотипов в особую группу были выделены бытовые, ставшие источниками формирования предметных символов. Они отражают уникальные реалии русского уклада жизни и ментальности. Национальная экзотика, национальный колорит находят своё отражение в некоторых предметах быта, особенностях природы и климата, которые стали символами России и русских. Так, стереотипы-символы «баня», «дача», «самовар», «водка», «снег / зима», «тройка» отсылают к особенностям «русского характера» / «русской души» (словосочетания, выражающие стереотипы – этнокультурные символы не предметного происхождения): гостеприимству, широте души, терпению, удали. В американском публицистическом дискурсе также актуализируются такие представления о русском характере, как любовь к родине, находчивость, противоречивость.

Прототип русского человека – это русский крестьянин, мужик. «*Vice Adm. Vladimir Komoyedov, chief of the Baltic Fleet headquarters, received me at*

the gate. But we had traveled only 500 yards when an urgent telephone call came to admiral's staff car. It was an order from the KGB: He could not take the American journalist to see the fleet <...> Embarrassed, Admiral Komoyedov escorted me into his office and offered vodka. He was gracious – all peasant roughness and a Russian willingness to get personal» (NG 1997, March, p. 120).

Символ «птица-тройка» – это прецедентный феномен, он имеет текстовое происхождение. *«As Western businessmen descend anew on Moscow, seeking deals and a bed for the night, they would do well to remember Gogol's «Dead Souls» and its famous evocation of Russia as a horse-drawn troika hurtling pell-mell through a forest, the world flashing by, ever faster, «the whole road flying, no one knows where, into the unseen distance» (NW 2003, Oct. 13, p.33-36).*

«Русский медведь» – символ-стереотип, который имеет частотные дискурсивные взаимосвязи с политическими и геополитическими стереотипами; так, этот символ подразумевает агрессивность, дикость, нецивилизованность проводимой русскими политики: *«A senior American official said that while the United States and Russia have common interests, Russia has become “a revisionist and aggressive power,” and the West “has to be prepared to push back.” But the Bush administration also recognizes that Russia has legitimate security interests, and that Mr. Saakashvili has played a dangerous game of baiting the Russian bear» (NYT 2008, Aug. 9).*

В процессе описания стереотипов «баня», «снег», «огромная страна» отмечены некоторые тенденции, которые свидетельствуют об особенностях разных типов стереотипов. Так, стереотипы, которые репрезентируют явления, способные быть «опредмеченными» (снег, баня), вербализуются во всех мини-дискурсах при помощи одного и того языкового средства. Признаки стереотипизируемого объекта репрезентируются при помощи разных (синонимичных) языковых средств (гигантский, громадный, огромный и т.д./giant, great, big, vast, large).

Глава 5. Языковые способы и средства актуализации стереотипа. В Главе представлен анализ языковых средств и способов репрезентации сте-

реотипов с точки зрения содержательного, языкового и синтаксического аспектов. Содержательный анализ стереотипов осуществлялся с опорой на деление стереотипов по макротематическому признаку. Ключевое слово высказывания, классифицированного как содержащее стереотип, служит основой отнесения стереотипа к определённой группе стереотипов и определения вида поддискурса (а также именно по ключевому слову стереотипам присваивались «имена»; часто это слова – лексемы-репрезентанты концептов-идеологем и лингвокультурных концептов). Содержание стереотипа также было проанализировано исходя из того, что положено в основание стереотипизации (мотивы): какие качества, действия, оценки России являются основанием для присвоения ей каких-то устойчивых (стереотипных) признаков.

Стереотипное содержание выражается предикатами, которые приписывают России определенные признаки: а) уникальности: *separate, singular*; б) огромных размеров и величия: *the largest, the world player, great, giant, empire (the Soviet Empire), leading power, the greatest in the world*; в) нецивилизованности: *barbarous*; г) агрессивности: *hostile, selfish, tense, a dangerous mess*.

Определения субъекта, выраженного словом 'Russia', приписывают России такие группы признаков: а) огромных размеров и величия: *giant, extensive, overgrown, leader of a multipolar world, world power, overshadowing power, aggrandizement*; б) географического расположения: *northern*; в) агрессивности: *the terror of Europe, bellicose, pressing its borders, aggressive, aggressional, military*; г) нецивилизованности: *barbarous power, the worst enemy of civilization*; д) стремления к возрождению: *renascent, rejuvenating, seeking to regain lost power*; е) деспотичности: *totalitarian*.

Незначительное количество стереотипов имеет в качестве мотива какие-либо действия (состояния) России. Они выражаются предикатами – глаголами или составными глагольными: *suffer, act (like an expansionist), have (vast recourses), confront, rest (on rotten pillars)*. Собственно стереотипное знание все-таки выражается именной частью предикатов.

На языковом уровне анализа были выявлены языковые средства актуализации стереотипного знания. Отдельные лексические единицы – имена концептов-идеологем, лингвокультурных концептов – выражают стереотипы о России и русском человеке на уровне лексики. Среди таких слов – репрезентантов стереотипов можно назвать следующие: *power, Empire (the Soviet Empire), cold war, communism, nationalism, despotism, totalitarian, etc.* К словам-репрезентантам лингвокультурных концептов относятся: *samizdat, KGB, troika, banya, veniki, dacha, valenki, samovar, vodka, moujik, etc.* Также стереотипы актуализируются в американском публицистическом дискурсе с помощью символов – словосочетаний *Russian soul, Russian character, Russian bear, Russian troika.*

«Окончательное» (или «априорное») знание имеет несколько форм выражения. К лексическим способам репрезентации стереотипов относятся лексические единицы с семантикой повтора, постоянства, абсолютности признака (глаголы *to be regarded, to remain*; имена существительные *habit, tradition, reputation, status, style, majority*; местоимения *nobody, every, same, we*; имена прилагательные *not uncommon, old-fashioned, traditional, not unusual, true, ordinary, most, many*; наречия *indeed, always, never, still, everywhere, routinely, usually*).

К синтаксическим способам репрезентации стереотипа относится синтаксическая структура ‘*SUBJECT – PREDICATE*’. Простое нераспространенное предложение может осложняться вводным словом, которое, в свою очередь, является лексемой, репрезентирующей стереотип. Стереотип может содержаться в сложноподчиненном предложении (придаточной его части), в котором содержание стереотипа пресуппонируется и поэтому подается как объективная истина, окончательное знание. «*Whatever the Yukos case portends, it is clear that the old secret police will play an ever larger role in Russia's future*» (NW 2003, Nov. 24). Пресуппозиции, создающие контекст, общее, разделяемое участниками дискурса фоновое знание о России, в основном относятся к типу экзистенциальных пресуппозиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к феномену стереотипа с лингвистической точки зрения закономерно обусловлено развитием теории дискурса и лингвоконцептологии. В качестве лингво-ментального феномена стереотип является элементом структуры концепта – фрейма. Фреймы организуют тематические структуры разных видов дискурса, таким образом, стереотип является и дискурсивным феноменом. Его дискурсивная природа проявляется не только в его обусловленности видом дискурса, но и в возможности по использованным в речи / тексте стереотипам корректно идентифицировать дискурс, осуществлять взаимодействие с коммуникантами с уточненных идеологических позиций.

Лингво-ментальная природа стереотипа проявляется в следующем:

1) Стереотип может получать языковую репрезентацию. Стереотип оформляется в дискурсе при помощи лексических и синтаксических средств языка: это лексические единицы с семантикой повтора, постоянства, абсолютности признака, синтаксическая структура ‘SUBJECT – PREDICATE’; сложноподчиненное предложение или простое распространенное предложение, имеющие в качестве семантического компонента пресуппозицию. Стереотип репрезентируется при помощи отдельных лексем (концептов-идеологем и лингвокультурных концептов) и словосочетаний.

2) При составлении списка стереотипов об объектах действительности может происходить уточнение их ментальных структур. Стереотипы о России и русских сгруппированы по типам поддискурсов и фреймов концепта «Russia», в котором они содержатся. *Геополитические* (фреймы «Россия – государство» и «Россия – страна / территория»): «Россия – особая страна», «огромная, великая страна», «противостояния», «Россия – источник «холодной войны», «Россия агрессивна». *Политические* (фрейм «Россия – государство», субфреймы «государственная власть», «характеристики государства»): «русские – несчастные и страдающие люди»; «русские политически неграмотны»; «российская политика неразумна»; «демократии в России нет»; «в России нет свободы»; «в России разруха»; «Россия – авторитарная страна»; «русские

любят сильного правителя / царь»; «в России ничего не меняется». *Социумные* (фрейма «Россия – государство», субфрейм «социум»: «бедность», «отсталость», «преступность», «коррупционированность общества», «национализм»). *Этнокультурные (бытовые, предметные «стереотипы-символы»):* «баня», «дача», «самовар», «водка», «снег / зима», «тройка». Этнокультурные стереотипы (фрейм «Россия – страна», субфрейм «культура»): «русский характер», «находчивость», «удаль», «противоречивость», «любовь к родине», «русская душа», «русский крестьянин / мужик», «красный», «птица-тройка», «медведь». Этнокультурные стереотипы-символы предметного происхождения связаны с этнокультурными стереотипами второго типа, т.е. «тройка» символизирует «удалой» «русский характер», и т.д.

Дискурсообразованность стереотипа проявляется в следующем:

1) Дискурс динамичен; наиболее явно динамику отражает категория хронотопа («время»). Динамика стереотипа обнаруживается в зависимости появления и частоты воспроизведения стереотипа в дискурсе от условий производства дискурса; изменениям может подвергаться модальность оценки, средства и способы репрезентации стереотипов в дискурсе. Помимо этого, за стереотипами, происходящими от абстрактных понятий, устойчивые средства выражения закрепляются постепенно, с течением времени.

2) Дискурс реализуется во фреймах; стереотипы, являющиеся элементами этих фреймов, функционируют в (под)дискурсах определенного вида. Иначе говоря, при разговоре о месте России на политической карте мира и ее отношениях с иными государствами мы вступаем в сферу геополитики, а этот дискурс формирует фреймы «Россия – государство» и «Россия – страна / территория», в которых типичным, ожидаемым и предсказуемым терминалом является стереотип «Россия – огромная страна».

В качестве перспектив исследования мы видим расширение списка стереотипов и создание словаря стереотипов России; исследование процессов формирования стереотипов и заимствования из одной лингвокультуры в другую. Примененная в исследовании методика дискурс-анализа может быть ис-

пользована при анализе любого вида дискурса и при сопоставлении разных периодов его существования, при изучении авторской публицистики. Описанные способы и средства актуализации стереотипа в дискурсе могут стать основой для анализа стереотипов любого вида дискурса, а уточненная позиция стереотипа в структуре фрейма (концепта) может позволить создавать модели разнообразных ментальных конструкторов. При анализе политического дискурса методика выявления стереотипа в тексте может способствовать опознаванию политических стереотипов, навязываемых обществу, что приведет к их нейтрализации. В межкультурном дискурсивном пространстве эта же методика может стать основой разработки эффективных стратегий создания новых позитивных стереотипов о России, которые могут воспрепятствовать функционированию в обществе старых и негативных стереотипов.

Содержание диссертации опубликовано в следующих работах автора.

**Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах,
включенных в Перечень ВАК Минобрауки РФ:**

1. Орлова, О. Г. «ЖИТЕЛИ РОССИИ» как структурный компонент концепта «RUSSIA» (на материале дискурса еженедельника «Newsweek») / О. Г. Орлова // Политическая лингвистика: Екатеринбург, Урал.гос. пед. ун-т. – 2006. – Вып. 18. – С. 92–98.
2. Орлова, О. Г. Индивидуально-авторское представление о воле в рассказе Тэффи «Воля» / О. Г. Орлова // Сибирский филологический журнал. – 2010. – Вып. 1. – С. 219–227.
3. Орлова, О. Г. Дискурс-анализ американской публицистики / О. Г. Орлова // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». – Чита: ЗабГГПУ. – 2010. – №3 (32). – С. 190–193.
4. Орлова, О. Г. Дискурсивный анализ публикаций У. Дюранти о Советском Союзе / О. Г. Орлова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 347. – С. 28–33.
5. Орлова, О. Г. Стереотипы-представления о России в американском публицистическом дискурсе / О. Г. Орлова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 93–102.
6. Орлова, О. Г. III Международная Летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (г. Омск 1-9 июля 2010 г.) / Орлова, О. Г., Бусыгина, А. В. // Гуманитарный вектор. – Чита: ЗабГГПУ. – 2011. – №4. – С. 295–300.

7. Орлова, О. Г. Система стереотипных признаков в структуре концепта RUSSIA / О. Г. Орлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – № 1 (12). – С. 116–118.

8. Орлова, О. Г. Стереотип в публицистическом дискурсе / О. Г. Орлова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Том 11. – Вып. 6: Журналистика. – С.104–109.

9. Орлова, О. Г. Составление словаря стереотипов о русских: содержание и форма / О. Г. Орлова // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2013. – Вып. 3(45). – С. 175-182.

10. Орлова, О. Г. Стереотипы о России и русских в американском публицистическом дискурсе XIX-XXI веков. Материалы к составлению словаря / О. Г. Орлова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Вып. 3(55). – Т. 1. – С. 185–191.

Монографии и разделы в коллективных монографиях:

11. Орлова, О. Г. Россия / О. Г. Орлова // Антология концептов / под ред. И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 446–459.

12. Орлова, О. Г. Стереотипы о России и русских / О. Г. Орлова. – Кемерово, 2011. – 154 с.

13. Орлова, О. Г. Динамика дискурса и динамика стереотипа / О. Г. Орлова // Стереотипы лингвокультуры: колл. монография; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 30–74.

Стать в материалах всероссийских и международных научных конференций, сборниках научных трудов:

14. Орлова, О. Г. Интердискурсивность как методологическое основание для описания художественно-публицистических жанров / О. Г. Орлова // Русский язык и методика его преподавания: традиция и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 29-30 марта 2006 г. – Часть 1. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. университета, 2007. – С. 216–221.

15. Орлова, О. Г. Стереотипы о русских в американском дискурсе масс-медиа / О. Г. Орлова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Теоретический и методологический аспекты. – Благовещенск, 2007. – С. 95–101.

16. Орлова, О. Г. Некоторые способы репрезентации стереотипов о России в американском медиа-дискурсе / О. Г. Орлова // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей, посвященный 30-летию юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2008. – С. 488–492. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).

17. Орлова, О. Г. Некоторые способы репрезентации стереотипов о России в американском медиадискурсе [Электронный ресурс] / О. Г. Орлова //

IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». – Режим доступа: <http://www.gaudeamus.ru/rus/conf.htm>.

18. Орлова, О. Г. Стереотипы «противостояния» в структуре концепта «RUSSIA» [Электронный ресурс] / О. Г. Орлова // V Международная научная конференция «Язык, культура, общество». – Режим доступа: <http://www.gaudeamus.ru/rus/conf.htm>.

19. Орлова, О. Г. Политические стереотипы о России / О. Г. Орлова // Журналистика и журналистское образование в современном мире: идеи, концепции, технологии: сб. научн. трудов. – Рязань, 2009. – С. 80–84.

20. Орлова, О. Г. Образ России в массовом сознании американцев: к проблеме диалога культур / О. Г. Орлова // Новое в славянской филологии: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 345–353.

21. Орлова, О. Г. Пресуппозиция как способ актуализации стереотипов о России / О. Г. Орлова // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 420–425. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).

22. Орлова, О. Г. Лингвокогнитивный статус стереотипа в межкультурной коммуникации / О. Г. Орлова // Языки в современном мире. Материалы IX ежегодной международной конференции, 23-25 мая 2010 года / отв. ред. С. К. Гураль; Томск.гос. ун-т. Томск: Томск.гос. ун-т, 2010. – С. 98–99.

23. Орлова, О. Г. Дискурс-анализ публикаций Уолтера Дюранти о СССР / О. Г. Орлова // Культура как текст: Сборник научных статей. – Вып. X. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2010. – С. 208–214.

24. Орлова, О. Г. Символьная составляющая концепта «Russia» / О. Г. Орлова // Язык и ментальность: сборник статей; отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 482–489. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).

25. Орлова, О. Г. Мифологические признаки России в массовом сознании американцев / О. Г. Орлова // Проблемы взаимодействий в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст: сб. научн. статей / ред. И. В. Ащеулова, Ф.С. Рагимова; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2010. – С. 93–100.

26. Орлова, О. Г. Стереотипы «противостояния» в структуре концепта «Russia» / О. Г. Орлова // Альманах современной науки и образования. – 2010. – №2 (33). – Ч. 2. – С. 121–123.

27. Орлова, О. Г. Красная Россия / О. Г. Орлова // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Чудинов А.П. Екатеринбург, 2010. – С. 127–130.

28. Орлова, О. Г. Языковые способы и средства репрезентации стереотипов о России / О. Г. Орлова // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Санкт-Петербург-Горловка: Издательство ГГПИИЯ, 2010. – С. 269–277.

29. Орлова, О. Г. Мужик, снег и птица-тройка / О. Г. Орлова // Концепт и культура: сб. научных статей. – Кемерово, 2010. – С. 221–228.

30. Орлова, О. Г. Русские лингвокультурные концепты-стереотипы: водка / О. Г. Орлова // Язык и социальная динамика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (21 мая 2011 г., Красноярск). – Красноярск, 2011. – В 2 ч. – Ч. 1. – С. 126–132.

31. Орлова, О. Г. Функции прилагательного «красный» в словосочетании «красная Россия» (на материале американского политического дискурса 1-й трети XX века) / О. Г. Орлова // Образ мира в зеркале языка: сб. научных статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: Флинта, 2011. – С. 452–458.

32. Орлова, О. Г. О некоторых дискурсивных моделях американского публицистического дискурса / О. Г. Орлова // Знак – сознание – знание: сб. научн. работ / отв. ред. В.И. Теркулов. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2011. – Вып. 2. – С. 71–78.

33. Орлова, О. Г. Русские лингвокультурные концепты-стереотипы: самовар / О. Г. Орлова // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – М.: ИЯ РАН, 2011. – С. 162–172 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).

34. Орлова, О. Г. Взаимодействие дискурсивных моделей в американском публицистическом дискурсе о России XIX века / О. Г. Орлова // Проблемы взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст: сб. научных статей / Отв. ред.: Ащеулова И. В., Рагимова Ф. С. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. – С. 207–215.

35. Орлова, О. Г. Русские лингвокультурные концепты-стереотипы: царь / О. Г. Орлова // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – С. 198–203. (Серия «Филологический сборник». Вып. 11).

36. Орлова, О. Г. Жанры и формы интердискурсивного взаимодействия в американском политическом дискурсе о России XIX века [Электронный ресурс] / О. Г. Орлова // VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество». – Режим доступа: <http://www.gaudeamus.ru/rus/conf.htm>.

37. Орлова, О. Г. Русские лингвокультурные концепты-стереотипы: баня / О. Г. Орлова // Славяне в неславянских странах. – Вып. 2. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – С. 27–35.

38. Орлова, О. Г. Стереотипизация признаков «русского» в массмедийном дискурсе / О. Г. Орлова // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве. Материалы международной научной конференции (26-28 апреля 2012 г., Псков). – В 2-х ч. – Псков: Издательство ПсковГУ, 2012. – Ч. 2. – С. 8–12.

39. Орлова, О. Г. Разработка словарной статьи в словаре стереотипов: giant (Russia) / О. Г. Орлова // Культура как текст. Сборник научных статей. – Выпуск XI. – М.: ИЯ РАН, Смоленск: СГУ, 2012. – С. 223–234.

40. Орлова, О. Г. Жанровая форма публикации как дискурсообразующая категория (на примере «русского» дискурса газеты «The New York Times» XIX века) / О. Г. Орлова // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Международной научной конференции 5-7 октября 2011 г. – Барнаул, 2012. – С.264–266.

41. Orlova, O. Stereotypes as Global Language Unities [Электронный ресурс] / O. Orlova // The Asian Conference on language Learning. Official Conference Proceedings 2012. pp. 118–123. ISSN: 2186-4691. – Режим доступа: http://iafor.org/acll_actc2012.html.

42. Орлова, О. Г. Дискурсивные процессы в публицистике (на примере американского дискурса о России) / О. Г. Орлова // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: научн. журнал / гл. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 1. – С. 66–75.

43. Орлова, О. Г. Медиатекст как объект дискурс-анализа (Г. Солсбери о Советском Союзе) / О. Г. Орлова // Взаимодействия в поле культуры: ответственность, диалог, интертекст, гипертекст: сб. науч. статей / ред. Н. В. Налегач, Ф. С. Рагимова; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2012. – Вып. 3. – С. 132–137.